

О. Г. Левашова

Алтайский государственный университет, Барнаул

**«Ломоносовский миф» и проблема биографического текста
В. М. Шукшина**

Аннотация. Биографический текст В. М. Шукшина анализируется в аспекте двух, во многом взаимоисключающих, моделей жизнеописания – «ломоносовского мифа» и мифа о власти земли, индивидуальных и эпохальных коллизий. Биографии, воплощающие личность писателя, и творчество В. М. Шукшина транслируют «ломоносовский миф» через его восприятие Н. А. Некрасовым (стихотворение «Школьник», к которому часто обращается автор «Калины красной»). Развитие человека из глубинки к высотам отечественной и мировой культуры у Шукшина корректируется топологической оппозицией «город – деревня», что определяет внутреннюю противоречивость и неоднозначность шукшинского биографического текста, описываемого в свете «ломоносовского мифа». Деревня мыслится хранительницей быта и бытия, город – центром культуры. Сам автор осознает свой путь через диалектику обретений и утрат, в поздний период творчества формулируя идею возвращения.

In the paper the biographical text is analyzed in the framework of two alternative biographical models: «the Lomonosov myth» and the myth of the power of the homeland, individual and epochal collisions. The biographies that incarnate the writer's personality and other works by Vasilij Shukshin translate «the Lomonosov myth» through perceiving it by Nikolay Nekrasov (the author of «Kalina Krasnaya» often refers to the poem «Schoolboy»). The evolution of a provincial to the heights of native and world culture in Shukshin's works is corrected by the topological opposition «city – countryside». This defines the inner contradiction and ambiguity of Shukshin's biographical text, which is described in the light of «the Lomonosov myth». The countryside is considered to be the keeper of mode of life and existence. The city is considered to be the center of culture. The author himself realizes his way through the dialectics of acquisitions and losses and in his later works formulates the idea of homecoming.

Ключевые слова: жизнь и творчество В. М. Шукшина, биографический текст, миф, модели описания, противоречия.

Life and works of Vasilij Shukshin, biographical text, myth, descriptive models, contradictions.

УДК 82-929

Контактная информация: ул. Димитрова, 66, Барнаул, 656049; +7 (385 2) 36 63 79; olevashova@mail.ru

Проблема изучения биографического текста / текстов В. М. Шукшина – одна из самых актуальных в современном шукшиноведении. С. Беляков в рецензии на восьмитомное собрание сочинений В. М. Шукшина 2009 г. резонно сетует, что во вступительной статье оказалось «слишком мало сведений о жизни Василия Макаровича»¹. Однако ясно, что сами разрозненные сведения мало что дают читателю: нужна «связующая идея», которая объединит разрозненные, зачастую противоречивые эмпирические факты (см. об этом: [Лотман, 1997]). В целом ряде уже созданных биографий В. М. Шукшина этой целостности не ощущается, либо она слишком схематично реализована.

Сложность воссоздания любого биографического текста заключается в текучести, эмпиричности, противоречивости человеческой природы. Ю. М. Лотман подчеркивает, что индивидуальная человеческая жизнь может быть воссоздана в целом ряде биографий, содержательно и ценностно различных. Биографы выбирают по преимуществу одну, доминирующую модель описания. Биография реализуется в едином сюжете, порой все же достаточно схематичном [Лотман, 1985].

Вопрос о биографическом тексте В. М. Шукшина связан с исследованием имеющихся литературных биографий писателя. Целый ряд шукшинских биографов сетует на имеющиеся лакуны, недостаток эмпирического материала. Так, В. Коробов, высказывает суждение о том, что некоторые этапы жизни писателя освещены слабо: «Но при всем многообразии материала <...> далеко не все еще ясно» [1984, с. 4]. А. Заболоцкий в книге «Шукшин в кадре и за кадром» пишет о «подменах вспоминающих» [1997, с. 144], на основании чего рождаются мифы о писателе.

«Белые пятна» порой заполняются сюжетами художественных произведений. Нуждается в научной дискуссии проблема объема и границ применения в создании биографии писателя его творчества. Проза писателя (прежде всего произведения автобиографического характера) помогает достраивать недостающие звенья биографии, однако излишнее доверие к художественным событиям приводит подчас к рождению устойчивых мифов и легенд относительно жизни и творчества В. М. Шукшина. Многие биографы «достраивают», опираясь на особенности эпохи, и характер воссоздаваемой среды.

Часто настаивая на аксиологической заданности жизненного пути Шукшина, биографы ищут и обнаруживают различные модели описания жизни писателя. В. И. Коробов, например, описывая эпизод с неудачной попыткой поступления в авиационное училище в Тамбовской области из-за того, что по дороге Шукшин потерял документы, восклицает: «Видно, сама судьба “берегла” его для другого!..» [1984, с. 15].

Одной из самых устойчивых моделей в создании биографического текста В. М. Шукшина является «ломоносовский миф», отразивший судьбу простого человека из русской глубинки, покорившего столицу и поднявшегося до высот отечественной и мировой науки и культуры. Этот миф применительно к своей судьбе и к судьбе своих героев транслировался и самим писателем, прежде всего через его усвоение представителями революционно-демократического направления. В шукшинских текстах не раз возникнет отсылка к стихотворению Н. А. Некрасова «Школьник». В. Ф. Горн прямо соотносит биографию Шукшина с «ломоносовским мифом»: «В то же время мы отчетливо помним, что со времен Ломоносова русская деревня посылала в город многих смекалистых, умных и деятельных, очень серьезно относящихся к жизни и искусству детей своих (“Это многих славный путь”). Они прославили землю русскую, овладели высотами мировой науки и культуры, но навсегда оставались верными своему деревенскому

---

¹ См.: Беляков С. Барнаулский Шукшин: многое впервые. URL: <http://magazines.russ.ru/voplit/2011/5/be19.html>

первородству, своей “малой родине”». Исследователь подчеркивал, что Шукшин «не случайно пронес через всю свою жизнь некрасовского “Школьника”» [Горн, 1990, с. 24]. В публицистической статье «Монолог на лестнице» писатель определяет главную цель для молодого человека из глубинки, цитируя Н. А. Некрасова: «“Знай работай да не трусь!” Обрати свое вековое терпение и упорство на то, чтобы сделать из себя Человека» [Шукшин, 2009, т. 8, с. 27]. В. Коробов обращает внимание на смысловую и концептуальную важность некрасовского текста в одной из ключевых сцен киноповести «Калина красная»: «За столом Байкаловых подвыпивший, но, по всему видно, хороший человек, возможно учитель, поет народную песню на знаменитые стихи Некрасова (“Школьник”). <...> Песня эта как бы подчеркивает иную дорогу, по которой мог пойти (и пройти!) и Егор Прокудин...» [Коробов, 1984, с. 251].

Нужно отметить, что «ломаносовский миф» распространен и востребован в советский исторический период. Несомненно, это связано с тем, что он органично ложился на идеологическую доктрину, лучше всего выраженную строкой «Интернационала»: «Кто был ничем, тот станет всем...».

Биографы, прибегающие к «ломаносовскому мифу» в качестве модели жизнеописания В. М. Шукшина, отбрасывают явные противоречия, которыми изобилует жизнь и творчество писателя. В случае с автором «Сельских жителей» вектор жизненного движения определяется как уход из родной деревни в город. Первая видится хранительницей основ национального быта и бытия, но она не предоставляет человеку возможность культурного роста и реализации. Город чужой, во многом космополитический, однако он – средоточие культуры. В статье «Монолог на лестнице» Шукшин замечает: «Город – это трагедия Гоголя, Некрасова, Достоевского, Гаршина и других страдальцев <...> это и тихий домик Циолковского...» [Шукшин, 2009, т. 8, с. 27–28]. Здания там закрывают природный горизонт, но открываются многочисленные дороги выбора жизненного пути. Поэтому, по Шукшину, человеческий путь, идет ли речь об авторе или его героях, – это диалектика обретения и утрат. Поэтому писатель в своем творчестве обращается не только к воплощению «ломаносовского мифа», но и к традициям народно-демократических представлений о гибельности города для выходца из крестьянских слоев. Полнее и ярче всего эту идею выразил Г. И. Успенский в мифе о «власти земли».

Творчество Г. Успенского и В. М. Шукшина обнаруживает общность тематики и проблематики – исследование основ крестьянской жизни. Трагедия современного для периода их творчества состояния крестьянства видится ими в разрушении деревенского «мира», в разземеливании, в обрыве связей крестьянина с землей. Спасение гармонии крестьянского существования и в целом сохранение основ русского национального характера связываются обоими писателями с «властью земли». И для Г. Успенского, и для Шукшина «Россия – Микула Селянинович». Этот афоризм из рабочих записей Шукшина прямо отсылает к творчеству Г. Успенского, к легенде о встрече богатыря Святогора и Микулы Селяниновича, «прохожего мужичка с сумочкой за плечами». Неподъемной оказалась эта сумочка для легендарного богатыря, потому что «тяга в сумочке от матери сырой земли», а народ, по мнению обоих писателей, носит ее легко.

Трагедией для земледельца-крестьянина оборачивается разрыв с землей. В осмыслении этой трагедии удивительно близки и созвучны рассуждения Г. Успенского и Шукшина. Цикл Г. Успенского «Власть земли» содержит и исследование истоков и результатов крестьянского «разземеливания», и явную идеализацию этой власти, которая под пером писателя приобретает мистическую силу: «Огромнейшая масса русского народа до тех пор и терпелива и могуча в несчастиях, до тех пор молода душою, мужесгвенно сильна и детски кротка, – словом, народ, который держит на своих плечах всех и вся, – народ, который мы

любим, к которому идем за исцелением душевных мук – до тех пор сохраняет свой могучий и кроткий тип, покуда над ним царит власть земли, покуда в самом корне его существования лежит невозможность послушания ее повелений, покуда они властвуют над его умом, совестью, покуда они наполняют все его существование»².

Все творчество Шукшина пронизано трагической темой разрыва с землей. По мысли писателя, «те, кому пришлось уехать (по самым разным причинам) с родины <...> – а таких много, – невольно несут в душе некую обездоленность, чувство вины и грусть» («Слово о малой родине») [Шукшин, 2009, т. 8, с. 51]. Эта тема найдет отражение в рассказах «Змеиный яд», «В профиль и анфас», «Земляки» и др. В целом ряде его публицистических статей, рассказов и писем возникнет мотив «возвращения», особенно усиливаясь в последний период творчества. Дословны совпадения в оценках Г. Успенского и В. Шукшина тех крестьян, кто сознательно предпочел городское существование деревенскому. Автору цикла «Власть земли» неприятны «те из крестьян, которые вылезли к деньгам, отделились от труда, живут на готовое: скучнее, пошлее этой жизни трудно себе представить», «жена крестьянина, которая в крестьянстве неocenенна, при готовых деньгах, при отсутствии крестьянского земледельческого труда теряет вдруг все свои достоинства; она оказывается просто душой, дубиной, деревом, которое будет мешать везде, куда только ни сунется»³. Оценки Шукшина крестьян, оторвавшихся от родной почвы, столь же ироничны: «...забыл “извечную” крестьянскую любовь к земле, и великолепно преодолел “тягу” к этой самой земле, и шаркал в “штиблетиках” по асфальту, и мечтал получить “квартиру с сортиром”». Шукшин считает, что город с отъездом крестьянки из села ничего не приобрел, «появится еще одна хамоватая продавщица», а деревня «потеряла работницу, невесту, мать, хранительницу национальных обрядов, вышивальщицу, хлопотунью на свадьбах» («Вопросы самому себе») [Шукшин, 1991, с. 371].

Шукшинское обращение к фамилии главного героя цикла Г. Успенского «Власть земли» Ивана Босых – в рассказе «Начальник» (1966) («Митька Босых, деревенский вор в прошлом, поэт, трепач и богохульник...») вносит дополнительное социально-философское и мифологическое объяснение судьбы двух главных героев рассказа (Митьки Босых и начальника, в прошлом судимых и прошедших лагерь), насильственно оторванных от земли, «разземеленных» государством, утративших во многом свои корни, связи с родной «почвой». Помимо единичных примеров, где содержатся отсылки к творчеству Г. Успенского, по существу все творчество писателя XX века можно рассматривать как трансформацию национального мифа «власти земли» в другую историко-литературную эпоху.

Для Г. И. Успенского совмещение «ломоновского мифа» и мифа о «власти земли» невозможно. Взгляд писателя XX века оказывается более диалектичным: сельский житель может стать органичен топосу города, поднявшись к высотам отечественной и мировой культуры. Хотя и в биографическом тексте, и в художественном творчестве «ломоновский миф» в «чистом виде» оказывается не реализованным. Даже те деревенские, кто многого достиг в городе («Игнаха приехал», «Срезал», «Два письма» и др.), либо чувствуют свою ущербность, либо эту ущербность выявляет автор. Шукшинская рефлексия по поводу результатов собственного жизненного поиска, несмотря даже на внешнее признание, также зачастую неутешительна. Так, в рабочих записях писатель замечает: «Всю жизнь свою рассматриваю, как бой в три раунда: молодость, зрелость, старость. Два из этих раундов надо выиграть. Один я уже проиграл» [Шукшин, 2009, т. 8, с. 281]. Да и более поздние периоды автор «Калины красной» оценивает отнюдь

---

² См.: Успенский Г. И. Власть земли. URL: az.lib.ru/u/uspenskij_g_i/text_0430.shtml

³ Там же.

не как сплошные победы, поэтому понятна поздняя шукшинская идея возвращения к корням и истокам, на малую родину, чтобы жить и писать.

Драматический характер смены топосов (деревня – город) в рамках одной человеческой судьбы связан также с социально-историческим контекстом советской эпохи. Их противостояние определялось идеологией большевизма, декларирующей противопоставление пролетариата и крестьянства, основанное на их социальном и идеологическом неравенстве.

Деревенский житель чувствует себя постоянно обделенным, ущемленным, лишенным права на достойную жизнь и возможность реализации. Социальная пригнетенность порождает у сельских жителей комплексы, чреватые различными психологическими «вывихами». Абсурдность советского существования деревенского человека связана с тем, что деревенский житель обижен городом и всей распределительной экономической системой в связи с отчужденностью от плодов своих трудов. Деревня разорена, не только во время войны, но в послевоенный период из-за политики в отношении села, не учитывающей национальные особенности землепользования, не понимающей места и значения деревни в русском макрокосмосе.

В автобиографическом цикле рассказов «Из детских лет Ивана Попова» герой-рассказчик, описывая первые свои встречи с городом, чувствует глубокую обиду. Городские жители не задаются вопросом, почему голодает деревня, имея относительные материальные блага, они изначально считают деревенских «куркулями», чувствуют в них «скрытых» кулаков, приписывают им частнособственнический инстинкт. Обида на городских у Ваньки возникает уже в детстве. За съеденной со стола у городских булкой следует обвинение в воровстве. Обида толкает ребенка на отчаянную попытку вернуться снова в деревню. В отрочестве и юности настает пора задуматься о сложных взаимоотношениях деревенских и городских:

«Городские ребята не любили нас, деревенских, смеялись над нами, презирали. <..> В четырнадцать лет презрение очень больно и ясно сознаешь, и уже чувствуешь в себе кое-какую силенку – она порождает неодолимое желание мстить. <...>

Но это было потом. Тогда мы шли с сундучками в гору, и с нами вместе – налегке – городские. Они тоже шли поступать. Наши сундучки не давали им покоя.

– Чяво там, Ваня? Сальса шматок да мядку туясок?

– Сейчас раскошелитесь, черти! Все вытряхнем!

– Гроши-то куда запрятали?.. Куркули, в рот вам пароход!..

Откуда она бралась, эта злость – такая осмысленная, не четырнадцатилетняя, обидная? Что, они не знали, что в деревне голодно? У них тут хоть карточки какие-то, о них думают, там – ничего, как хочешь, так выживай. Мы молчали, изумленные, подавленные столь открытой враждебностью. Проклятый сундучок, в котором не было ни “мядку”, ни “сальса”, обжигал руку – так бы пустил его вниз с горы» [Шукшин, 2009, т. 3, с. 166–167].

Уже в ранних своих произведениях писатель воплотит неравенство деревенского и городского миров в частной, психологической, сфере: условия существования деревенского героя, его воспитания и образования, образа жизни порождают устойчивый комплекс социальной и психологической неполноценности. Поэтому, по сути, предрешен психологический конфликт в киноповести «Живет такой парень» – деревенский шофер Пашка, человек, несомненно, артистичный и талантливый, «проигрывает» в столкновении со столичным соперником. Деревенский житель чувствует свою обделенность, прежде всего, в сфере культуры, поэтому закономерным является пространство, в котором начинается соперничество городского и деревенского ухажеров красавицы Насти, – деревенская биб-

лиотека. Сам писатель в своей публицистике не раз сетовал на крайнюю бедность фондов деревенских библиотек и, в целом, скудности деревенской культурной жизни: *«Где те дяди и тети, которые комплектуют сельские библиотеки? Почему только “Белая береза”, “Алитет уходит в горы”, “Записки охотника” и прощупанов? Сейчас, пожалуй, укажут на тиражи вообще. Знаю – большие. Но надо представить себе, какая это зияющая утроба – деревня»* [Шукшин, 2009, т. 8, с. 20].

Этой обделенностью во многом объясняется массовый исход сельских жителей в город, она толкает деревенских рядить в несвойственные им одежды, стараться быть не тем, кем они по праву являются. Так, в рассказе «Дебил» герой, как и многие сельские, отчужденный от своей земли, похож на «культурного китайца». В рассказе «Миль пардон, мадам!» Бронька Пупков вынужден придумывать свою биографию, ориентируясь на стереотипное представление о героическом. Чувство неполноценности порождает такие странные и в чем-то страшные формы утверждения деревенской самодостаточности, которые проявляет Глеб Капустин в рассказе «Срезал». Все это происходит потому, что село изначально в большевистском мироустройстве объявлялось патриархальным и отсталым социальным явлением. Советская литература много сделала на этом поприще, внушая ее «закабаленному», долгое время даже беспаспортному крестьянину.

В этом свете становится семиотически значимой и понятной солдатская форма Шукшина, в которой он появится в стенах одного из самых элитарных вузов столицы – ВГИКа (хотя Шукшин служил на флоте). Будущий актер, режиссер и писатель предстает ни городским, ни деревенским по обличению (позднее сам признается, что стыдился своего деревенского происхождения), но готовым во взаимоотношениях с городскими «к военным действиям». По сути, он до конца будет чувствовать себя «тайным борцом» и «своим среди чужих и чужим среди своих».

В конечном счете определяя собственную трагедию как некую «межумочность» (*«Так у меня вышло к сорока годам, что я – ни городской до конца, ни деревенский уже. Ужасно неудобное положение...»*), Шукшин являет собой сложную, неординарную и неоднозначную личность. Внутренние противоречия оказываются органичными биографическому тексту писателя.

Список литературы

- Горн В. Ф.* Василий Ш. Личность. Книги. Барнаул, 1990.
- Заболоцкий А.* Шукшин в кадре и за кадром. Записки кинооператора. М., 1997.
- Коробов В.* Василий Шукшин. М., 1984.
- Лотман Ю. М.* Литературная биография в историко-культурном контексте (К типологическому соотношению текста и личности автора) // Лотман Ю. М. О русской литературе. СПб., 1997.
- Лотман Ю. М.* Биография – живое лицо // Новый мир. 1985. № 2.
- Шукшин В. М.* Я пришел дать вам волю. Роман. Публицистика. Барнаул, 1991.
- Шукшин В. М.* Собр. соч.: В 8 т. Барнаул, 2009.